

психозном преломлении», контуры и очертания чего неясны даже им самим. Они – не просто «расчищают место», но уничтожают Солнце.

А Солнце, привыкшее наблюдать за людьми «сверху», неизбежно трансформируется, преображается в некое «оловянное» светило – и перестает выполнять былые функции «Солнца бессмертного ума». Оно изменяется, «растлеивается», несет «наглость на своем восходе» и обещает «назавтра такое из-под земли выкатить», - что и придумать, и произнести трудно! Отсюда – сознание неизбежной гибели людей, вынужденных приспособляться к жизни под Солнцем Мертвых.

Именно к такому итогу приходит в своей эпопее Шмелев. А. В. Амфитеатров, разделивший эмигрантскую долю Шмелева, назвал рецензию на нее – «Страшная книга». И закончил эту рецензию возгласом удивления: «...как у Шмелева хватило сил написать эту книгу?»⁷.

Т. В. Филат

(г. Днепропетровск, Украина)

«ЗАГОЛОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС» ПОВЕСТИ И.С.ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Автобиографическая повесть «Лето Господне» (1927-1944) И. С. Шмелёва относится к числу самых самобытных, оригинальных произведений русской прозы XIX – XX веков, что проявляется уже в заглавии. «Заголовочный комплекс», термин, введенный С. Кржижановским [1], имеющий статус паратекстуальности [2], в «Лете Господнем» включает в себя информацию титульной страницы (имя автора, заглавие, подзаглавие), надтекстовые компоненты (эпиграф и посвящение), номинацию частей, глав и подглав, сведения о времени и месте создания частей произведения. Их состав, расположение, структура отвечают сложившейся литературной традиции, но семантика и «диалогические» отношения с текстом отмечены авторским своеобразием, постижение которого очень важно для понимания повести «Лето Господне». Имя автора на титульном листе «Лета Господня» не просто указывает на авторство, оно ре-

⁷ Возрождение. 1926. № 533. 17 ноября.

троспективно благодаря «аллюзионной» информации текста, где возникает имя героя – «Ваня» (правда, не сразу и один раз – в драматической ситуации благословения умирающим отцом [3,422]) и часто фигурирует действительное имя отца И. С. Шмелёва – «Сергей Иванович» [3]. Фамилия «Шмелёв» не вводится, что характерно для романтизма, как считает Ю. М. Лотман [4,543], хотя дело не в романтической традиции, а в том, что, возможно, И.С.Шмелёв указывал не фамилию, которая сразу же подчеркнула бы неповторимую индивидуальность героя, а пользовался весьма распространённым, почти «нарицательным» именем «Ваня», чтобы подчеркнуть типичность русского православного мальчика, который в то же время является автобиографическим героем.

Заглавие, подзаглавие, эпиграф занимают «сильную позицию» [5,216], фиксируя ключевой смысл произведения и одновременно его интерпретацию с точки зрения автора, являясь его «прямым словом» (Бахгин), «традиционной зоной автоинтерпретации» [5]. Как известно, заглавие повести И. С. Шмелёва – «Лето Господне» – восходит к Евангелию от Луки и, как считает А. Н. Николина, «опосредованно» – к книге пророка Исаии [7,23], где речь идёт о миссии Иисуса «исцелять сокрушённых сердцем», «благовествовать нищим...», «проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Ис. 61,1-2) [7,23]. Семантика заглавия многозначна: это указание и на годовое, сакральное, время, и, аллюзионно, – на сакральный источник, обращение к которому обнаруживает скрытую внутреннюю дидактичность авторской задачи произведения, призванного читателя просвещать, утешать и исцелять, как и восприняли его и И. А. Ильин [8,133], и те шмелёвские читатели, отзывы которых писатель приводил в письме И. А. Ильину [9,49]. Это делает заглавие концептуально-программным. «Благоприятным летом» И. С. Шмелёв считает своё счастливое детство в дореволюционной России, репрезентация которого дана в сакрально-темпоральных рамках церковного года - в соответствии с системой православных праздников [10], описанных в тексте, что, собственно, и анонсирует заглавие произведения. Как определил Б. Н. Любимов, «Лето Господне» – это «церковный календарь, прочитанный глазами ребёнка» [11,18], точный календарь, как установили учёные. Авторская субъективность, связанная с огромной ролью православия для менталитета и творческого сознания Шмелёва, отчетливо проступает в семантике и

смысловой нагрузке оригинального заглавия – особого метатекста, тесно связанного с основным текстом автобиографической повести. Но объективно заглавие „Лета Господня“ не содержит даже намёка на автобиографичность, не соответствует типам и вариантам заглавий автобиографических произведений русской литературы, приводимых Н. А. Николиной [7,18-22]. В шмелёвском заглавии нет ключевых слов, характерных для названий автобиографической группы произведений: „жизнь“, „воспоминания“, номинации определённого периода жизни. Наименованием шмелёвской повести является цитата из церковно-богословского источника, хотя без атрибуции и даже без кавычек. Но она адресована православному читателю, являясь формой интертекстуальности, связывает шмелёвский текст с сакральным источником, анонсирует тот православный „пафос“ (по В. Тюпе – авторскую концепцию всего произведения [10]), каким пронизано всё „Лето Господне“. Такая поэтика заглавия свидетельствует, что И. С. Шмелёв стремился создать не столько автобиографическую повесть о своём детстве, сколько произведение этико-философской направленности, в центре которого – формирование у ребёнка православного мира – в системе праздников, моральных норм и традиций русского православия в рамках Лета Господня. Автор создаёт „акафист России благословенной“ [13,211]. Избирая „цитатное“ заглавие из церковно-богословского источника, И.С.Шмелёв остаётся верным сложившимся традициям номинации и придаёт заглавию ёмкую и многообразную функциональность, которая отвечает разным дефинициям этого компонента: „смысловой ключ“ [14,70], „ключ к интерпретации“ [15,428], „его модель“ [16,111], „тематическая доминанта“ [17,146-150], „первый знак системы целого текста“ [18,8-10], „кодированная идея текста“ [19,8-10], своеобразная форма „заимствования“ [20], интертекстовый элемент. Таким образом, поэтика заглавия-цитаты у Шмелёва идёт в русле „характерной тенденции такой формы номинаций в прозе XX века“ [7,359]. Но источник заглавия-цитаты „Лета Господня“ свидетельствует о православности И. С. Шмелёва – знатока и популяризатора сакральных православных источников, которые цитируются в тексте повести, создавая семантико-стилистическую перекличку с её заглавием.

В. И. Тюпа полагает, что заглавие – это опорная сущность самого произведения, „эквивалент ему“, место встречи писателя с произведением. Если воспользоваться его классификацией и выделить семантико-стилевую доминанту, то заглавие – „Лето Господне“ –

можно назвать „креативным“, ибо в нём названо особое время, окрашенное авторской оценочной интерпретацией [21]. Персонализированное слово героя, формируя „я-нарративный“ текст повести, реализует скрытые в авторском слове-заглавии „семанτικο-структурные потенции“, по выражению Ю. М. Лотмана [22,239], создавая своеобразные переклички, особые диалогические отношения между „заголовочным комплексом“ и текстом повести. Н.А.Николина, определив цитатный характер заглавия „Лета Господня“, не обратила внимания на подзаглавие, а между тем оно чрезвычайно важно: это и экспликация названия произведения, и номинация круга его концепций и проблем, это и названия трёх частей повести, это и указание на некую текстовую фрагментарность. Она возникает не только в связи с творческой историей создания повести, движения от „очерка к роману“ [23], но и с аналитико-описательной репрезентацией главных православных праздников как вех в формировании православного восприятия мира ребёнком. В подзаглавии „Лета Господня“ – „Праздники. Радости. Скорби“ – нет традиционной дефиниции жанра, а есть следы видоизменённой традиционной архаической модели „двойного заглавия“ (у Шмелёва без „или“) как его „расслоения“ [1,8-9] на возможно непонятную всем первую часть и понятную – вторую, эксплицирующую первую. Реликты „двойного заглавия“ можно заметить не только в структуре „заголовочного комплекса“, в отношениях „заглавие – подзаглавие“, но и в характерном для поэтики произведения наличии „некоторой моралистической сентенции или функционально ей равного элемента“ [4,543]: в повести И. С. Шмелёва в этом качестве выступает обозначение проблем, имеющих этико-философский характер – „Праздники – Радости – Скорби“. В подзаглавии выделены главные концепты повести – „кристаллы“, „самородки смысла“ [24,282], они выделены вербально и актуализированы позицией подзаглавия как семантического ключа повести. Думается, что их последовательность также концептуальна, чего не учитывает Н. В. Медведева в своём анализе культурного концепта „радость“ в „Лете Господнем“ [25,161-168], считая его ведущим, а концепт „праздник“ соподчинённым, при этом игнорируя концепт „скорбь“. Все эти концепты связаны системными отношениями, тесно взаимосоотносятся и в тексте шмелёвской повести, составляя её концептуальное поле. М. И. Тимошенко верно интерпретирует концептуальный смысл подзаглавия „Лета Господня“, связывая его с мифопоэтикой И. С. Шмелёва, где сочетаются

древние языческие и православные мифологические представления, толкующие бытие в нераздельном единстве жизни и смерти, радости и скорби [26,138], что и передано в подзаглавии. И. С. Шмелёв создаёт концептуальную семантико-структурную организацию повести, подчёркивая её наименованием частей, зафиксированных в подзаглавии: движение повествования идёт от „Праздников“ через „Радости“ к „Скорбям“. В этой последовательности скрыта и мысль о неизбежном конце светлого праздничного мира детства автобиографического героя „Лета Господня“, завершающегося финальной трагической ситуацией смерти и похорон отца героя. Стоит подчеркнуть, что такое подзаглавие, конкретизируемое системой наименований большей части глав и подглав повести, где названы православные праздники (не только в первой части – „Праздники“, но и в „Радостях“), тоже, как и заглавие, носит концептуально-проблемный характер, выделяя этико-философские проблемы повести Шмелёва. Подзаглавие семантически связано как с заглавием, эксплицируя его, так и с текстом, традиционно чётко графически обособленным от него, и выступает важным компонентом поэтики произведения, актуализируя его главные этико-философские и культурные концепты. Подзаглавие постоянно перекликается с текстом произведения, где отсчёт времени последовательно дан в темпоральности церковного календаря. Если художественный текст понимать „как особым образом организованную индивидуальную динамическую систему“ [Цит. по: 27,26], то текст „Лета Господня“ – „динамическая система“, в основе которой лежит художественная информация о православных праздниках (что отражено в большинстве названий глав и подглав), переживаемых ребёнком.

В первой части повести – „Праздники“ – в качестве наименований глав и подглав фигурируют главным образом православные праздники от Великого Поста до Масленицы, хотя в подразделах глав встречаются и другие заглавия, внутренне связанные с основными или шмелёвской концепцией особого единения времени природного и церковно-праздничного („Мартовская капель“), или номинацией локуса, связанного с праздником („Постный рынок“), или праздничной игрой („Круг царя Соломона“). Они создают логическую систему, акцентируя для читателя главное в текстовой их реализации.

Вторая часть – „Радости“ – наиболее обширная, имеет подзаглавие „Праздники – Радости“, что ещё раз убеждает в том, что для Шмелёва эти понятия-концепты взаимосвязаны, однако ведущим

выступает концепт „праздник“. Наименования глав соответствуют либо названиям праздников православного календаря („Покров“, „Филипповки“, „Рождество“, „Вербное воскресенье“, „Егоров день“, „Донская“, „Михайлов день“, „Рождество“, „Радуница“), или церковным обрядам („Крестный ход“, „Говень“, „Крестопоклонная“). Как и в первой части, в одном из названий выделено и природное время – „Ледоколье“. Есть во второй части, как и в первой, название, определяющее связанный с праздником объект („Ледяной дом“), что передаёт специфику памяти ребёнка. Наряду с названиями глав, совпадающими с наименованиями праздников церковного календаря, что подчёркнуто в подзаглавии второй части – „Праздники – Радости“, фиксируя и акцентируя переключку с первой частью повести, возникает и наименование семейного праздника: „Именины“, где выделены подзаглавия – „Преддверие“, „Празднование“ (речь идёт об именинах отца автобиографического героя). Эти главы, как и вся третья часть повести – „Скорби“, свидетельствуют о введении элементов поэтики семейной хроники в „Лето Господне“: заглавия глав номинируют не только событийный ряд повести, но и её жанровую поэтику

И.С.Шмелёв использует феномен „сильной позиции“ заглавия, создаёт семантико-структурные автономные границы соответствующей наррации о том или ином сакральном или семейном празднике, толкуемом, как заявлено в заглавии первой части („Праздники“) и в заглавии второй („Праздники – Радости“), в русле позитивной, радостной эмоциональной доминанты повествования о потерянном „рае детства“ в дореволюционной России, варианты и оттенки которого отметила Н.В.Медведева [25,163], а цветовые особенности концепта „праздник“ выделила М.Н.Коннова [28,169-175]. Таким образом, художественный мир озаглавленных первых двух частей „Лета Господня“ предстаёт как праздничная действительность, составленная в соответствии с названиями глав и подглав из наименований православных праздников, которые познаёт ребёнок.

В части „Скорби“, имеющей в отличие от первых двух частей магистральный сюжет, посвящённый болезни, смерти, похоронам отца, названия по тематике значительно более разнообразны: это и номинация эмоционального состояния – „Святая радость“, „Горькие дни“, это и названия, где фигурирует народный метод лечения, – „Живая вода“, это и название-топоним – „Москва“, и название сакрального предмета – „Серебряный сундучок“, который должен помочь отцу, используются и названия церковных обрядов – „Со-

бование“, „Похороны“, но в тексте по-прежнему постоянно присутствует церковная календарность течения времени.

Поэтика внутренних наименований частей и глав передаёт своеобразный жанровый сплав „Лета Господня“, который присутствует в „Лете Господнем“: автобиографическая повесть о счастливом времени детства в „обетованном“ дореволюционном Замоскворечье, где доминирует церковный календарь; есть элементы и исповеди, и семейной хроники, центрирующие события на болезни и кончине отца героя, данного как „пример“ скорби, которая неизбежно наступает по логике бытия с его Праздниками, Радостями и Скорбями.

Внутренние заголовки коррелируются с общим заглавием повести, с наименованием трёхчастной структуры повествования, заявленной в подзаглавии, которое связано с общим заглавием повести. Всё это позволяет говорить о «заголовочном комплексе» «Лета Господня» как особой системе. Внутренние заглавия глав и подглав фиксируют, с одной стороны, автономность наименованных фрагментов, а с другой, объединяются общим заглавием – «Лето Господне».

Система заглавий глав и подглав шмелёвской повести отражает в подавляющем большинстве сакральное время, а не пространство, что отличает И. С. Шмелева от многих авторов, которые, как полагает И. Р. Гальперин, склонны выделять в членении повествования чаще художественное пространство, чем время [29, 89], хотя в тексте место действия – Замоскворечье – точно названо, есть также и наименования топосов – «Москва», локусов – «Постный рынок». В самом тексте повести широко представленная топография Москвы, как верно подчёркивает С.И.Кормилов, отличается большой точностью и разнообразием [30,7-21], а в заголовках такая топографическая точность встречается редко. Ведь в «Лете Господнем», как уже отмечалось, доминирует особая темпоральная номинация – празднично-православно-календарная, что отражает индивидуальное авторское представление о времени, единицей отсчета которого выступает тот или иной церковный праздник. При этом линейно-календарная репрезентация времени «по праздникам» предполагает его цикличность, заложенную в православно-календарной темпоральности Циклическая концепция мира присуща и неомифологизму XX века [31,54]. Таким образом, поэтика системы заглавий повести И. С. Шмелева содержит авторскую концепцию времени как времени народно-праздничного, благого, что лежит в основе поэтической идеализации «рая детства» в дореволюционном Замоскворече-

чье. Текстовое время «Лета Господня» – это время памяти, воспоминаний, время биографическое, и в какой-то мере мемуарное [32, 256-260], что не заявлено в заглавии: безусловно, текст всегда шире, богаче, чем система его номинаций. Автор хотел выделить, подчеркнуть (собственно, эту функцию в основном и выполняло заглавие и подзаглавие) сакрально-календарную темпоральность повествования, доминирующую и в самом тексте повести.

И. С. Шмелев использует и эпиграф, который всегда подчеркивает соотносимость данного произведения с текстами других авторов, осуществляя интертекстуальную связь ссылкой на «чужое слово», призванное высветлить смысл, присущий и «авторскому слову». Для И. С. Шмелева А. С. Пушкин, четверостишие из произведения которого взято автором «Лета Господня» в качестве эпиграфа, был одним из любимых и почитаемых писателей, о чем он писал в «Автобиографии» и статьях 30-х гг., считая, что «истинное искусство – глубинно религиозно», полагая, полагая, А. С. Пушкин отобразил «душу Родины» [27, 21]. С. М. Демкина верно отмечает, что в выборе эпиграфа сыграли роль общая атмосфера жизни, настроения, чувства Шмелева периода эмиграции, когда создавалась повесть «Лето Господне» [33, 147]. Выбором эпиграфа – известного «крылатого выражения» А. С. Пушкина – Шмелёв открыто выразил свои чувства, которые стимулировали авторский идейно-эмоциональный замысел возвращения художественным словом (памятью) к «потерянному раю» не только детства, но и прошлого отечества – «родного пепелища». Делая «чужое слово» своим, Шмелев солидаризируется с Пушкиным: «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце силу – / Любовь к родному попелищу, / Любовь к отеческим гробам». Этот эпиграф не только соотносится с тематикой и проблематикой произведения Шмелёва, мотивами памяти и любви к отчизне и предкам, что является обычной функцией эпиграфа в его отношении к тексту, но и объясняет авторский замысел, строй мыслей и чувств писателя, оплодотворивших «Лето Господне». Писатель приобщается к патриотическим традициям русской литературы, акцентирует в тексте свое православное видение мира, прибегая к особой поэтике системы заглавий повести, реконструированных памятью создателя автобиографической повести.

Посвящение И. А. Ильину и его жене «Лета Господня» не только связано, как полагает С. Н. Демкина [33, 147], с дружескими чувствами (В. Бокова называет И. А. Ильина «сердечным другом Шмелева»

[34,15]), но и вызвано, как думается, ощущением духовной близости Шмелева с русским религиозным философом, о чем свидетельствует их переписка [9]: «Жизнь и творчество И. С. Шмелева для И. А. Ильина неразрывно связано с историей России», «оба страстно желали утвердить лишь одну ипостась русского характера – лучшую...» [35,122]. Об этой духовной солидарности свидетельствуют и отзывы И.А.Ильина, одного из лучших истолкователей шмелевского творчества в целом, который издал работу с тонкими и верными суждениями о «Лете Господнем» за год до ее публикации [36], а в письме к Шмелеву отметил особое «благоухание» повести [9,29], посоветовал к ней «постоянно возвращаться, утешаться, очищаться, лечиться ею...» [37,176]. Поэтому, думается, что «посвящение» в своем подтексте содержит и некоторую эксплицитную функцию по отношению к идейному комплексу текста «Лета Господня», подчеркивая идейную и духовную близость И. С. Шмелева с философом И. А. Ильиным, намекая на перекличку важных этико-философских проблем в их творчестве, прежде всего в трактовке России и Православия. У автора «Лета Господня» не только заглавие, подзаглавие, эпиграф, но даже посвящение несут интерпретационно-ключевые функции по отношению к тексту. Все компоненты «заголовочного комплекса» «Лета Господня» тесно связаны и между собой, и с текстом; перекликаясь и дополняя друг друга, они создают особую художественную целостность, гармоническое поэтологическое единство произведения, пронизанного авторской интенцией и концептуальностью, что позволяет отнести автора «Лета Господня» к «интровертному типу» создателей художественного произведения [38,275].

Примечания

1. Кржижановский С. Поэтика заглавий. – М.,1931.
2. Фатеева Н. А. Паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию // Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.,2000.
3. Иван Шмелёв. Лето Господне. Рассказы. – М.,2010.
4. Лотман Ю. М. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб.,1995.
5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник. – М.,2003. – 496 с.
6. Мешкова Л. А. Авторская позиция в современной прозе (теоретический аспект) // Филологические науки. – №3. – 1988.

7. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. – М., 2002.
8. Ильин И. А. Одинокий художник. «Святая Русь», «Богомолье» Шмелёва. Статьи, речи, лекции. – М., 1993.
9. Письмо Шмелёва – Ильину // Переписка двух Иванов (1935-1946). – М., 2000.
10. Сурова Л. В. Церковный год (беседы о Православии). – М., 2000. – 397 с.
11. Любимов Б. Н. Душа Родины // Шмелёв И. С. Лето Господне. Статьи о Москве. – М., 1990. – С. 18.
12. Тюпа В. Категория автора в аспекте исторической поэтики // Проблема автора в художественной литературе. – Устинов, 1985.
13. Ваховская А. М. И. С. Шмелёв // История русской литературы XX века. – Кн. 2. – М., 2005. – С. 201-222.
14. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. – М., 1955.
15. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы» // Эко У. Имя Розы. – М., 1989. – С. 428.
16. Колшанский Г. В. От предложения к тексту // Сущность развития и функций языка. – М., 1987.
17. Фоменко Е. Г. Заголовок как тематическая доминанта рассказа // Вісник Запорізького державного університету. – Філологічні науки. – 2001. – №3. – С. 146-150.
18. Евса Т. А. Заглавие художественного произведения как первый знак системы целого текста // Системные характеристики лингвистических единиц разных уровней. – Куйбышев, 1986. – С. 85-92.
19. Кошева И. Г. Названия как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. – 1982. - №2. – С. 8-10.
20. Колчанова. Заглавие как форма заимствования // Имя текста, имя в тексте. – Тверь, 2004.
21. Тюпа В. И. Произведение и его имя // Литературный текст: Проблемы и методы исследования (Аспекты теоретической поэтики): Сб. науч. тр. – М., 2000. – Вып. VI. (Электронный документ. Проверено 04.03.2005. <http://roetics.nm.ru/topa>.)
22. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970.
23. Сурова Л. Ю. Движение замысла романа И. С. Шмелёва “Лето Господне” от очерка к роману // Наследие И. С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. – М., 2007.
24. Зенкин С. Н. Послесловие // Делез Ж. Что такое философия? / Пер. с фр. – М., 1998.

25. Медведева Н. В. Актуализация концепта “радость” в произведении И. С. Шмелёва “Лето Господне” // И. С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья: XVIII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011. – С. 161-169.

26. Тимощенко М. И. Миф в творчестве писателей “серебряного века” (Вяч. Иванов, И. Шмелёв) // И. С. Шмелёв и духовная культура православия: IX Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2003. – С. 134-139.

27. Черников А. П. Традиции русской литературы XIX века в прозе И. С. Шмелёва // Художественный мир И. С. Шмелёва и традиции славянских литератур // XII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2004. – С. 20-28.

28. Коннова М. Н. Цветовые особенности концепта “праздник” в романе И. С. Шмелёва “Лето Господне” (на примере праздника Пасхи) // И. Шмелёв и писатели литературного зарубежья: XVIII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011. – С. 169-175.

29. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

30. Кормилов С. И. Московская топография в “Лете Господнем” И. С. Шмелёва // И. С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья: XVIII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011. – С. 7-21.

31. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифы // Семантика культуры / Труды по знаковым системам. – XIII. – Тарту, 1981.

32. Симонова Т. Г. Мемуарно-автобиографический аспект прозы И. С. Шмелёва // Наследие И. С. Шмелёва: текст, контекст, интертекст: XV Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2006. – С. 256-260.

33. Демкина С. М. «С ним помнишь, что Россия вновь будет Россией» // Художественный мир И. С. Шмелёва и традиции славянских литератур: XII Крымские международные Шмелёвские чтения: Сб. материалов. – Симферополь, 2004. – С. 146-153.

34. Бокова В. «Просто» Иван Шмелёв // Иван Шмелёв. Лето Господне. Рассказы. – М., 2010. – С. 7-18.

35. Есин Н. П. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – М., 2003.

36. Ильин И. А. Творчество Шмелёва // И. А. Ильин. – Париж, 1993. – 240 с.

37. Ильин И. А. О тьме и просвещении: книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелёв. – М., 1991.

38. Юнг К.-Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К.-Г. Архетип и символ / Пер. с нем. – М., 1991.

С. В. Шешунова
(г. Дубна, Россия)

ОБРАЗ БРИТАНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА

И. С. Шмелев не бывал на Британских островах, однако в книге О. А. Казниной «Русские в Англии» ему уделена отдельная глава. Коснувшись истории английских переводов писателя и его переписки с Р. Киплингом, О. А. Казнина рассматривает образ Англии в «Солнце мертвых» (1923) и рассказе «На пеньках» (1924) и делает вывод: «Англия для писателя – воплощение незыблемости Европы. Но оказывается, и там произошло перерождение выстраданной гениями культуры в культуру массовую, готовую к употреблению»^{*1}. Не оспаривая это обобщение, заметим, что в других произведениях Шмелева Британия предстает более многогранной.

В рассказе «Письмо лейтенанта» (1920) Англия упивается своим богатством и превосходством над русскими: «О, как я горд, что я англичанин! Я хожу по улицам, и на меня смотрят, как на сошедшего с неба»^{*2}. Адресат лейтенанта Скеттльза, красавица Бетси Блимбер, мечтала о покупке особняка на Черинг-Кросс; автор письма поселился в этом желанном районе Лондона еще раньше: «Теперь мы соседи, мисс Бетси?» (VIII, 518). Британия – владычица морей, и отец Бетси – владыка коммерческих судов: «пароходы его Ке бывают здесь ежедневно, и дела блестящи» (VIII, 518). Эта собственность служит как бы продолжением тела собственника: «мимо нас режет чудный залив гордость Вашей Ке, пароход-игрушка, резвый и легкий, – “Мисс Блимбер”, и я почувствовал Вас близко-близко» (VIII, 520). В своем письме Скеттльз не раз подчеркивает пропасть между гордой Англией, которая живет с блеском, и презираемой Россией, которая сама разрушает свое достояние.

По контрасту, в «Няне из Москвы» (1933) Англия открывается Дарье Степановне не как «Лондон гордый» («Солнце мертвых» – I, 526), а как приветливая деревня: «Уж так хорошо, покойно, ни шуму, ни